М-341

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации объединений советских писателей РСФСР

5 МАРТА 1932 г. № 11 (180)

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

I страница
ПЕРЕДОВАЯ: О краеведческой литературе.
Проверим же эхо!—Статья П. Павленко.
8-е марта, канун весны.—Стихи В. Инбер. Привет И. Бредель.
II страница
Энергия. — Отрывок из романа Ф. Гладкова.
Смотр молодежной литературы: книги Е. Перлштейна и Г. Батурина.
III страница
Лекции троцкистской клеветы.—Статья А. Грудской.
Меняется география СССР (о книгах П. Павленко, Г. Лужницкого, К. Большакова).
IV страница
Пусть работает все связи с писательской общественностью.
Витрина брака.

МОД РЕДАКЦИЕЙ: М. Аскаш, А. Грудской, С. Диковой, В. Зальского, О. Колесниковой, А. Малышкина, Н. Огнева, М. Розенгольца, А. Селиванского, И. Сельвинского, И. Слонимского, М. Тубецкого, С. Третьякова и Г. Тартака.

Проверим же эхо!

«Империализм,— говорил Ленин,— это такое состояние капитализма, когда он, выполнив все для него жизнеспособное, поворачивает к упадку. Это особенная эпоха не в сознании социалистов, но в фактических отношениях. Борьба идет за долею остающихся «ничьих». Эта цитата [illegible] объясняет все то, что сейчас происходит на Дальнем Востоке. За японскими империалистами при молчаливом попустительстве английских, французских и американских банкиров лезет китайский рабочий и крестьянин бремя «эпидемии порядка».

Кровавая бойня в Манчжурии и Шанхае не со страшною для занимает внимание всех нас. Давно следим мы с радостной горностью за мужеством шанхайских пролетариев, за антимилитаристическими поступками многих японских солдат, за героизмом шанхайских женщин, с бесчувственным встречаем известия о пораженческих настроениях продажной гоминьдановской знати и, углубляясь в изучение причин и следствий происходящего, быть может не раз обращаемся к опыту прошлой войны.

И, однако, при всей остроте событий, при всем нашем внимании к происходящему, мы не можем сказать, что отнеслись к японо-китайской катастрофе как к событию, уже органически вошедшему в тот пласт идей, который ложит перед каждым писателем в качестве его творческого материала. Мы знаем, что в каждой данной обстановке можно быть либо за, либо против нее, третьего выбора нет, и что сочувствие на реальном языке практики именуется соучастием.

Сочувствуя гражданам, мы еще творчески не соучаствуем в деле китайских крестьян и рабочих, как бы [illegible] же смеем за скобки этой формулы, которая должна будет выразить социальные настроения наших повестей и романов, посвященных другим событиям и иным другим людям.

Но какое общественное явление, какую человеческую судьбу можно решить, опустив шанхайские расстрелы, проституционную политику Лиги наций и буржуазных парламентов Европы, хищничество банков и военных фирм, систему мировых бирж, антивоенные демонстрации американских, французских, немецких рабочих и голодное неистовство сорокамиллионной армии безработных, которая на многих языках, но одними мыслями сжимает [illegible] думают о этих событиях Шанхаях?

Шанхайские события сталкиваются сейчас в личной судьбе каждого живущего за рубежами СССР в системе империализма, и, отталкиваясь от этих новых судеб, подготовленных целой полосой философских умозрений и социальных выкладок Запада, проходя через отдельные человеческие психологии, они — эти события — достигают нас своим отраженным влиянием. В мире шанхайских событий результаты всего противоречия во всей системе капиталистической цивилизации и культуры, растут или падают в зависимости от обстановки жизни социал-демократа и оппортунизма — и повсюду можно заглядываются боевые силы пролетариата.

Еще в 1914 г. англо-французская буржуазия находила единственным голосом по поводу разрушения немцами церквей, университетов, больниц. Еще не далее как семнадцать лет назад одна за другой взрывались красноречивые книги о военных зверствах, и фотографии убитых женщин и детей являлись той валютой, на которую оскорбленная сторона закупала сочувствие и подлежку интеллектуально-мыслящей части мира, его демократов, его народолюбцев. Все переоценивается теперь. Нет жертв побоищ, есть просто жертвы недоразумения. Нет войн, есть несчастные случаи — не более сложные, чем столкновения трамваев.

В той блестящей Европе, которую иные из советских писателей по-старинке еще ценят за культурность, за технику, за правила хорошего тона, где между делом увлеченно читают книги наших писателей, отражающие строительство нового мира,— там, говоря упрощенно, из китайцев выстригают куколы, там цифры смертей и разрушений только балы и лянии биржевых колебаний. Конечно, всякую такую биржевую линию можно назвать по человеческой стоимостью, тысячею человеческих имен, или перевести на курс разрушенных городов и деревень, выбывших из строя заводов и фабрик. Конечно, за каждым колебанием фунта стерлингов можно найти правдивую трагедию целого крестьянского рода, а в прекращении отгрузки риса где-нибудь в Вень-Чжоу отыскать причины гибели на другой стороне Китайского моря, в Японии, нескольких голодных поединков. Для «краеведческих» упражнений полезна Манчжурия — портрет живого японского интервента нестыв».

может быть сосны лишь в разлеве Фушуна, о нефтяных разработках угольных рудниках Янтая, чугунно-литейных заводов Аньшана, которыми Япония стремится овладеть в Манчжурии. Конечно, было бы замечательно, если бы советские писатели получили возможность своими глазами увидеть героизм шанхайских армий Китая и революционные настроения в рядах японских войск, чтобы записать происходящее словами, от которых помолодеет читательское сердце.

Но не из этого строится сейчас основная задача советской литературы на данном участке. Пусть буржуазный писатель Альберт Лондр, автор «Черной Африки», «Каймены», «Рыжих женщин», находящийся сейчас в Шанхае, один разворудится поднерпушенным ему материалом. Фактическое отношения на [illegible] новы, что даже при самой резкой [illegible] ности», т. е. при самой [illegible] объективности автора, мы потом [illegible] извлечь из его книги страницы жуткой социальной правды.

Наша задача — в другом. Она сформулирована положением вещей, она уже в действии, и мы, собственно, догоняем свою задачу как тему, опередившую автора. Наша задача — в быстрой и решительной мобилизации всей своей зарубежной аудитории, всех настоящих поборников мира вокруг опасности новой мировой войны.

На войне человек будет побеждать, и человека нужно будет побеждать. Это также относится и к искусству. Мы должны мобилизовать идеи для борьбы против идей. Пусть те, кто считают себя друзьями СССР, подадут свой голос, как они мыслят и что они делают в эти дни величайшего банкротства «общечеловеческих» ценностей демократии и гуманизма, буржуазной цивилизации.

Ленин в своей директиве советской делегации кратко и сжато поставил проблему борьбы с военной опасностью. «Надо объяснить людям,— говорил он,— реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается... Мы должны разъяснить, какая масса и теоретических и житейских вопросов станет на другой день после объявления войны, отнимая всякую возможность у громадного большинства призываемых отвлечься в этом вопросах со сколько-нибудь ясной головой и сколько-нибудь добросовестной непредубежденностью».

Отсюда вытекает наша задача: ни одного рассказа за рубеж, если он не оснащен активностью, ни одной статьи, если в ней нет живой регламентации нашего отношения к происходящему. Стоит лишь перелистать стенографический отчет XI пленума ИБРП, чтобы увидеть, какой благодарный слушатель и читатель нам вырос за рубежом.

«Случай в Финляндии. Рота солдат возвращалась с занятий. Офицер скомандовал петь патриотическую песню. Но рота продолжала итти молча. Офицер скомандовал вторично — с тем же результатом. Помолчал, а потом говорит: «Пойте, что хотите». И вся рота громко запела «Марш свободной России».

В Рукынии, во время осенних маневров, среди солдат в крестьян было распространено двадцать тысяч летучек с обязательством, что такое Красная армия и буржуазная, и лозунгами: «Превращайте империалистическую войну в гражданскую». Летучки были заброшены также на маневрирующих самолетах.

Во Франции солдаты и матросы имеют сорок две гектографических многотиражки. Вот случай [illegible] манифестации солдат [illegible] ческой печати. Офицер распрос[illegible] в своей части фашистскую газету «Ни до пощады», запасные потребовали «Юманите», офицер вызвал клоуа. Тогда солдаты проходили своего начальника до его комнаты, а затем повели его в тюрьме с криком «Интернационала».

Во время маневров в Шампани солдаты могли читать на стенах домов надписи: «Долой мамеры. Долой войну»...

Второй десяток лет ведет за собой наша литература передовые мысли [illegible]. Мы [illegible] и не [illegible] утешающем об этом. Быть может, мы иногда даже недооцениваем размаха той зыби, которая подымается от каждого нашего литературного штриха. Мы бываем слишком заняты, чтобы вслушиваться в эхо нашей литературы за рубежом. Проверим же эхо.

Советская литература — это ведь не мертвое собрание книг, но борьба идей и их форм в живых людях. Проверим же эхо! Обяжем творческую мобилизацию своих читателей и своих друзей и читателей наших друзей. Произведем смотр тоже — долой империалистическую войну!

П. ПАВЛЕНКО

О КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Меняется ГЕОГРАФИЯ нашей страны. Там, где раньше были голые степи и непроходимые леса, возникают мощные индустриальные гиганты. Реки, покрытые порогами, делаются судоходными и меняют свое направление. Пустыни превращаются в хлебородные места. Новые виды сельскохозяйственных культур признаются на советской почве. Все это вызвано растущими успехами социалистического строительства и крупнейшими сдвигами в размещении производительных сил.

Меняется ЭКОНОМИЧЕСКАЯ география нашей страны. Если — до конца восстановительного периода — удельный вес отдельных промышленных и сельскохозяйственных районов изменился незначительно по сравнению с довоенным периодом, то реконструктивный период и процесс выполнения плана первой пятилетки произвели в этом отношении революционные сдвиги. Постановление ЦК ЗКП(б) о создании второй угольно-металлургической базы в Урало-Кузбассе, а вслед затем и третьей (Караганда) означает создание мощных плацдармов для дальнейшего освоения огромных и еще малоисследованных природных богатств Западной и Восточной Сибири и республик Средней Азии, для возникновения в этих областях крупных промышленных производств и крупных совхозов, и для интенсификации коллективизированного сельского хозяйства на базе МТС. Отсталые национальные республики и области превращаются в передовые индустриально-аграрные районы.

В постановлении секретариата РАПП о работе УралАПП говорится о том, что замкнуто-столичный период литературы (Москва—Ленинград) заканчивается. Пролетарское литературное движение, будучи массовым, никогда не замыкалось в рамках названных двух городов. Но основные творческие кадры пролетарских писателей (как и всей советской литературы) за единичными исключениями сосредоточивались в Москве и Ленинграде. Вторая пятилетка в корне изменит это положение.

Вся советская литература не может не учитывать этих новых существенных обстоятельств. Создание литературы, знакомящей читателя с вновь возникающими хозяйственно-культурными районами, создание КРАЕВЕДЧЕСКОЙ литературы приобретает первостепенное значение. Здесь у нас уже имеются достижения—значительные по сравнению с предшествующими годами, но еще явно недостаточные по сравнению с предъявляемыми к литературе запросами. Под флагом краеведческой литературы у нас еще нередко появляются произведения, воспроизводящие худшие традиции дореволюционной, великодержавно-колонизаторской «изящной словесности», появляется пошлейшая безыдейная халтура, появляются произведения, проникнутые духом старого «областничества», т. е. буржуазного культуричества, и начисто оторванные от основных задач социалистического строительства. Для ряда писателей «уход в краеведение» означает замаскированную форму бегства от сегодняшнего дня классовой борьбы в «онсану», в «тайгу», в «прерие вообще».

Ясно, что не о ТАКОЙ литературе идет речь. Ясно, что произведения, вроде «Седьмой советской» Б. Пильняка, тут являются образцами того, как НЕ НАДО писать о советской стране. Ясно, что решающим и здесь являются вопросы мировоззрения и творческого метода писателя.

Бригадные поездки писателей за последнее время значительно сократились. Это—отрицательное явление в деле перестройки советского писательства. В конце 1930 и начале 1931 гг. в организации бригадных поездок наблюдались значительные перегибы, сводившиеся к представлению о бригадах как об универсальной форме перестройки творчества, к администрированию и пр. Но сами по себе бригадные поездки оправдали себя как метод организованной работы писателей. И если, с одной стороны, одна из бригад дала в качестве творческого итога своей поездки калмыцко-туркменистанскую книжку «Большая Балахна», то, с другой стороны, поездка туркменистанской бригады (1930 г.) привела к созданию ряда художественно-полноценных произведений, в том числе и произведений очерково-краеведческого характера. Одни «Кочевники» Н. Тихонова и «Путешествие в Туркменистан» П. Павленко с лихой перекрывают печальный опыт «Большой Балахны».

Ценность лучших произведений краеведческого порядка определяется тем, что они открывают для массового советского читателя новые стороны изменившейся географии советской страны, знакомят его с ростом социалистического строительства, закрепляют интернациональные связи и интернациональную солидарность трудящихся СССР.

Но крупнейшими недостатками даже многих лучших краеведческих произведений (за исключением отдельных из них, принадлежащих по преимуществу перу пролетарских писателей) является недостаточное раскрытие в них социалистической сущности работы по переделке лица страны, невнимание к проблеме воспитания активных и сознательных строителей социалистического общества, недостаточный показ классовой борьбы, тенденции техницизма, налет эмпиризма, поверхностного бытописательства и пр. С особой силой следует подчеркнуть, что мы говорим ли о краеведении вообще, а о СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ краеведении, о таких произведениях, которые всем своим направленностью помогали бы литературе и на этом участке выполнять свою функцию социалистического перевоспитания масс, о произведениях высокого идейно-художественного значения.

Установление значительно более тесной и органической связи писательских коллективов с планирующими органами, с советскими краеведческими органами, с большой советской печатью; вовлечение больших элементов плановости в работу; координирование последней с основными каналами плана второй пятилетки; активизация писательских краеведческих ячеек — вот то, что необходимо.

Вера Инбер

8 Марта— канун весны

В разных странах разные [illegible]
Миллионы раз
Пели про любовь, про то, «Про то, [illegible]
Про отмену [illegible].

И нельзя [illegible]
Все в НЕМ и для НЕМ:
«Ангел! Дорогая! Драгоценная!
Золото мое!»

Начиная с Екатерины [illegible],
И далее вся, в центре мира:
«Изумрудная моя. Бриллиантовая.
Королева».

Но у нас в стране, где встречи-[illegible]
Просвещенно небеса в [illegible],
Что теперь нам делать с этим [illegible]
Капиталистической чушью?

Разве мы лишь уже не [illegible]
У себя, в своей литературе,
Наших женщин противопоставить
Лучшей Беатрисе и Лауре?

Наша советская женщина
(Дайте с ней не лишнее)
Заслужила «уважение»
«Мыслящим» [illegible].

Она в небесном [illegible]
Не летает, в ходит, как [illegible],
В нашей советской обуви
По нашей советской земле.

А вдоль, какую [illegible],
Говорится в сову. Такт [illegible].
Большая хозяйка большой страны,
Как много дел у нее!

И она поистине [illegible].
Большая хозяйка страны огромной. —
Недаром носит женское [illegible]
Магнитогорская «Домна».

А что до любви и до чувств,
Будто они дезодорируют,—[illegible]
Что может быть лучше, чем [illegible] куст
В социалистическом городе?

Кажется бы, что [illegible]
Какая есть, такую беру [illegible],
Но это не так. И она включена
В реконструктивный период.

У нее разрабатывается [illegible]
Весне всего удобнее [illegible],
Где [illegible] не мешают [illegible]
И разнообразия.

И когда усиленная стройка
Подымается розой в [illegible]
Тогда любовной говорит
Советская [illegible] слова.

Тогда с особой силою
Сжимаются [illegible] руки:
«Посмотри на меня, мое [illegible],
Мой любимый, мой классовый [illegible]

Вероятно, может быть, это [illegible]
Поверхностные [illegible].
Ноежели говорят и не так,
То чувствуют именно это.

И чувствуют очень [illegible].
Как существует весну.
Привет тебе, пролетарка,
Строящая страну!

А что до [illegible], то [illegible]
Коснулись мы этой рубрики,
То ясно, что ты — [illegible]
Аллилуйного фонда республики.

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ В РАПП
Слева направо: Б. Иллеш, В. Бредель, Л. Авербах

ИЗ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЮРЬМЫ В СТРАНУ СОЦИАЛИЗМА ТРУДА

Вилли Бредель в Москве

28 февраля в Москву приехал германский пролетарский писатель Вилли Бредель.

Бредель только что вышел из немецкой тюрьмы, где он пробыл два года.

В беседе с нашим сотрудником В. Бредель поделился первыми впечатлениями об СССР, сообщил о цели своего приезда в страну Советов.

— Задача революционных писателей, в связи с усиливающейся опасностью империалистической интервенции, — сказал Бредель, — показать достижения Советского союза и рост социалистического строительства, вскрыть усиления империалистов, готовящих войну против СССР и тем самым рассеять клевету о «красном империализме».

Будучи редактором немецкой коммунистической газеты «Гамбургер фольксцайтунг» и бывшим рабкором, я принимаю участие в работе германских корреспондентов. В этой области нам удалось достигнуть некоторых успехов, ибо, как известно, корреспонденты «Гамбургер фольксцайтунг» первые разоблачили отгрузку военного транспорта в Японию. Буржуазные и социал-фашистские газеты обошли этот факт молчанием, а городское управление пытается отрицать его, выпустив соответствующее официальное объяснение по этому поводу. Но им пришлось сознаться рядом точных официальных документов, полученных благодаря сообщениям нашей газеты. Открытие нескольких ящиков из транспорта подтвердило сообщение «Гамбургер фольксцайтунг». В настоящий момент начинается пролетарской общественности мобилизовать вокруг отправки военного транспорта в Японию, и были случаи, когда рабочие отказывались грузить транспорт, предназначенный для помощи Японии.

Я только что вышел из тюрьмы. В Германии сейчас 7.000 политзаключенных и 35.000 политических дел и производство, так что судебным властям приходится работать сверхурочно, так сказать, в ударном порядке.

При теперешней ситуации и существующей системе судопроизводства в Германии фашисты пользуются правом почти безответственного убийства, если же мы перейдем в контрнаступление, приводящее иногда к убийству или ранению фашиста, то виновного в этом в случае его ареста осуждают на 10—12 лет каторги.

Невозможно описать ощущения человека, попавшего непосредственно из германской тюрьмы в свободную советскую страну. Через несколько недель, возвратившись в Германию, обогатившись виденным в Советском союзе, я буду работать с новым ощущением сознания классового долга, с новым подъемом и энтузиазмом, помогая строительству социализма во всем мире.

Первое мое посещение в Москве — было на заводе «Динамо», который особенно интересует меня потому, что я, еще будучи в Германии, в тюрьме, был связан с ним перепиской. Мне было радостно смотреть, как работают на заводе рабочие свободной страны, и я мысленно сравнивал их с положением угнетенных западных рабочих. Рост завода «Динамо» укрепил меня в уверенности, что СССР успешно пользуется вперед по пути создания экономической независимости от капиталистических стран: завод «Динамо» выпускает в СССР производит те машины, которые нужны Советскому союзу и которые до сих пор он был вынужден выписывать из-за границы.

Через несколько дней я уезжаю в Донбасс, на Кавказ и Украину для того, чтобы выполнить задание ЦК германской компартии — написать книгу о социалистическом строительстве в СССР.

Донести правду о строительстве социализма до трудящихся капиталистических стран

Международные обязательства советских писателей

Вечер встречи МОРП и ФОСП

Международное объединение революционных писателей в порядке укрепления связи с советскими писателями организовало вечер встречи МОРП и ФОСП, в котором приняли участие Бела Иллеш, Бруно Иасинский, Анатоль Гидаш, Ян Матейка, Мауа Заина, Эс-Хэбиб-Вафи, Хамди Селим, Леонид Леонов, Н. Огнев, Л. Субоцкий, П. Спитов, А. Селиванский, П. Павленко, О. Колесникова, В. Лидин, А. Малышкин, И. Сельвинский, В. Инбер и др.

Капиталисты используют все средства и возможности для антисоветской пропаганды, для подготовки нападения на СССР. Они прекрасно учитывают, что одним из главных средств этой пропаганды является печать.

Нам приходится сталкиваться с чрезвычайно тонкими и ловкими приемами клеветы буржуазной прессы, на нашу страну. Вот примеры, когда под видом издания к нашему строительству зарубежная буржуазная печать посылает нам целые журналы. Бруно Иасинский рассказывает, что один из крупных буржуазных иллюстрированных журналов «Вю» дает в иллюстрациях развитие техники в Советском союзе. Но подбор фото произведен со специальной установкой показать достижения СССР только по сравнению с культурной и технической отсталостью царской России и подтвердить еще раз старый социал-фашистский тезис о том, что в такой отсталой стране, как нынешняя Россия, революция была исторической неизбежностью, в то время, как «цивилизованные» страны Запада отнюдь не нуждаются в таком пути развития. К тому же не случайно следующий же номер журнала посвящается показу высоко развитой американской техники.

Журнал «Нувель эр», посвящая специальный номер советской литературе, печатает ряд статей и рассказов русских авторов, даже очерк одного ударника. Но нарочито подобран такой литературный материал, который не отражает качественных социалистических отличий нашего строительства, а он используется для того, чтобы клеветать клеветническую мысль о войне против СССР как высшей форме организованного капитализма.

Способ агитации против нас на территории из СССР имеет место и на театре в виде специального подбора пьес.

А вот уж совсем безответственное вранье об «ужасах» в СССР. В этом вранье изощрялись представители колониальных стран на панамериканском конгрессе. Испанский пролетарский писатель Хамди-Селим рассказывает, что там утверждали, будто бы у нас преобладает фашизм, говоря о существующих цветах, имеет право называть лишь красный. Если же он осмелится утверждать, что существуют также желтый и белый цвета, то за это его немедленно арестовывают.

Разумеется, эти сногсшибательные рассказы способны лишь вызвать в нас смех. Но и они свидетельствуют о бешеной пропаганде против СССР, в которой советский писатель не может оставаться равнодушным.

Каждый советский писатель, садясь за работу, должен помнить о том, что его произведение может попасть за границу, и учитывать тот резонанс, который оно получит при враждебной нам обстановке. Каждая книга должна давать полноценный показ социалистического строительства, вскрывая лицо его качественные отличия, чтобы по ней зарубежный читатель мог получить исчерпывающее представление о советской действительности.

Сейчас, в момент резко усиливающейся военной опасности, острее, чем когда-либо, стоит вопрос о первоочередности военной тематики. Л. Субоцкий констатирует, что в этой области отставание советской литературы ощущается наиболее сильно. У нас крайне мало произведений о переходе империалистической войны в гражданскую. Нет большого эпического полотна о сегодняшней Красной армии. Нет такого оборонного произведения, которое в [illegible] решной художественной силой способно было дать настоящий отпор ремаркиному и меньшбуржуазному пацифизму. Советская литература не эксплуатировала на героизм Красной армии советского Китая.

— Вместе с тем несомненно, что военная тематика интересует писателя,— говорит т. Леонов, но некоторые талантливые авторы, способные создать крупное оборонное произведение, не решаются приступить к этой серьезной работе, чувствуя, что они недостаточно знакомы с темой. Писатель должен всесторонне знать ту область, о которой он пишет для того, чтобы дать хорошую книгу. С помощью ЛОКАФ мы должны ликвидировать свою военную неграмотность и по-ударному включиться в работу над оборонными произведениями.

П. Павленко подчеркивает, что надо помочь зарубежным товарищам по перу ставить вопрос о политическом размежевании, теснее связаться с западным попутничеством, помогать переходу левой интеллигенции в наши союзники. Трибуной, с которой революционные писатели будут говорить с зарубежным читателем, должен стать МОРП.

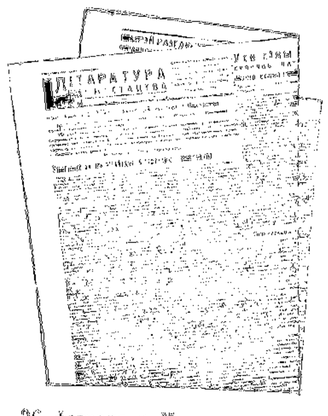
Неразрывно с этим стоит вопрос об активизации работы журнала «Мировая революция» для того, чтобы он стал тем боевым актуальным оружием, каким должна быть орган Международного объединения революционных писателей.

Ряд писателей, принимавших участие в обмене мнений, отмечал, что в борьбе с усиливающейся опасностью империалистической интервенции огромную роль могут сыграть не только произведения с военной тематикой, но и всякое произведение, правильно показывающее достижения нашего социалистического строительства, мобилизующее тем самым на защиту этого строительства широкие массы трудящихся капиталистических стран. Пожелания и декларации о помощи МОРП и ФОСП [illegible] должны выразиться в конкретные формы совместной работы, в постоянное творческое сотрудничество. Если МОРП должен оказать помощь писателям по линии установления связи с иностранными издательствами и журналами, то писатель должны проверять через МОРП материалы, рассчитанные на зарубежного читателя.

В этих целях на вечере была создана специальная комиссия.

Эс-Хабиб-Вафи выступил на собрании с творческой заявкой: написать поэму о Красной армии и вызвал И. Сельвинского, В. Ясенского и А. Гидаш последовать его примеру.

Привет белорусской литературной газете!



26 февраля в Минске вышел первый номер белорусской литературной газеты «Літаратура і мастацтва», органа Федерации советских писателей Белоруссии.

В номере: приветствие газете от ЦК компартии Белоруссии, подписанное секретарем ЦК т. Шаранговичем, программная передовая: «Змагацца за матэрыялы літаратуры і мастацтва», статья-обзор т. Салагуба о литературе Западной Белоруссии, статья т. Кучера о пьесе Александровича «Напоры», стихи Александровича «Профессор и стенографистка», подборка против военной опасности, в которой перепечатано из «Литературной газеты» письмо тт. Иванова, Леонова, Лидина, Олеши и Федина к Ромену Роллану, Бернарду Шоу и Стефану Цвейгу, отчет о докладе т. Лунькова на активе МАПП, данный под лозунгом «За воинствующую партийность пролетарской литературы и искусства», страница, посвященная белорусскому театру (статья, отрывки из пьес, информация), отчет о первой конференции МАПП и др. материалы.

Редакция «Литературной газеты» горячо приветствует своего нового соратника в борьбе за большое большевистское искусство, за Магнитострои литературы. Мы твердо уверены, что «Літаратура і мастацтва» под руководством партии станет боевым органом белорусских писателей, помогающим им развертывать творческую дискуссию и овладевать методом диалектического материализма, давая беспощадный отпор всем враждебным вылазкам на литературном фронте как справа, так и «слева», и в первую очередь контрреволюционным троцкистской контрабанде.

Белорусская литературная газета должна стать боевым оружием интернационального воспитания, активным бойцом за пролетарскую белорусскую культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

«Літаратура і мастацтва» вы хотите в дни, когда опасность новой войны и в первую очередь нападения империалистов на СССР исключительно обострена. Пилсудская Польша, граничащая с советской Белоруссией, является одной из активнейших империалистических сил в этой организации войны. Белорусские писатели и их новый печатный орган должны бить по [illegible] художественное слово на отпор империалистам, на боевую готовность к обороне.

Большевицкие пролетарские газеты «Літаратура і мастацтва»!

Большевицкие пролетарские [illegible] Белоруси!

О СОЗЫВЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СОВЕЩАНИЯ по „ИСТОРИИ ЗАВОДОВ“

Постановление секретариата РАПП

ЦК ВКП(б) постановлением от 18 октября 1931 г. ответил на привет М. Горького, направленный ему по случаю выхода «Истории заводов».

Создание «Истории заводов» есть в настоящее время одна из основных задач пролетарской литературы. Работа над ней выдвигает важнейшим фактором перестройки РАПП, помогая пролетарским писателям преодолеть отставание от требований, предъявляемых к ним эпохой социалистических гигантов: Магнитогорска, Кузбасса, Днепростроя, тракторных и автомобильных заводов. «История заводов» — фронт, в котором сходятся такие основные моменты деятельности РАПП, как тема героев труда, пятая годовщина, создание «Магнитогорска литературы».

«Организационная центральная по работе над «Историей заводов» должна быть опытом РАПП, — это так М. Горький в выступлении на V пленуме правления РАПП. Это заявление обязывает нашу организацию по методу — в первую очередь в творческом участии всей РАПП в каждом деле организация в создании «Истории заводов», а также к непосредственному включению всех членов РАПП в работу местных заводских коллективов по «Истории заводов».

С целью разрешения теоретических и организационных вопросов создания «Истории заводов», определения роли и задач в этом движении писателей, художников, критиков и литературоведов, практического подготовления предварительной работы и намечения дальнейших путей работы — секретариат РАПП совместно с секретариатом редакции «Истории заводов» созывает 18 марта производственное совещание по «Истории заводов».

Совещание должно учесть весь опыт проделанной работы, вооружить движение конкретными марксистско-ленинскими методологическими и методическими указаниями, разобрать требования и мероприятия, выдвигаемые к ним новой эпохой социалистических гигантов: Магнитогорска, Днепростроя и культурно литературу, подготовить движение на второй ступени, выявить полезность участия в нем РАПП как ведущей пятилетной организации.

Повестка совещания следующая. 1. «Истории заводов» и задачи РАПП — вступительное слово Л. Авербаха; 2. «Вопросы методологические и методические. «Истории заводов» — доклад А. Панкратовой; 3. «Текущие работы и ближайшие задачи по «Истории заводов» — доклад И. Шупакова; 4. «Роль РАПП в создании «Истории заводов» — доклад И. Исаутова; 5. Доклады руководителей по «Истории заводов».

На совещание приглашаются представители следующих заводов и фабрик: «Красный путиловец», Ижорский, «Красный треугольник», им. К. Маркса, «Шинник», им. Ленина (Ленинград), «Большевик» (Ленинград), ткацкая фабрика им. Воскресенского, автозавод им. Сталина, им. «Динамо», «Серп и молот» (Москва), Тракторный завод, Электрозавод, «Кр. Пролетарий», «Красный пролетарий» (типография), им. им. Ильича (Москва), Московский инструментальный, Ленинградский, Дзержинский, «Борец», Московский, К. К. Б., Ленинградский, «Электросила», «Диктатура» (Воронеж-Москва), Ленинская мануфактура (Иваново-Вознесенск), Ленинградский, Нижегородский заводы этт, «Красное Сормово», Московский Электрозавод, Днепродзержинский тракторный, Магнитогорский, Надеждинский, Кемпбелловский.

От каждого завода приглашается редактор заводской редакции по истории завода (или ответственный редактор), представитель и представители заводских бюро. Приглашаются (по одному) представители соответствующих объединений по истории заводов и общественных ассоциаций пролетарских писателей.

Ввиду большого участия в работах совещания товарищей из других республик, РАПП и редакция «Истории заводов» просят республиканские комиссии по истории заводов прислать своих представителей и представителей редакций и литературных предприятий, развернувших работу по истории.

На совещание приглашаются писатели, историки, экономисты, хозяйственники и инженерно-технической переквалификации.

Работа совещания рассчитана на 4 дня. Докладами будут происходить в клубе Федерации советских писателей (ул. Воровского, 52).

Похороны В. П. Полонского

У гроба

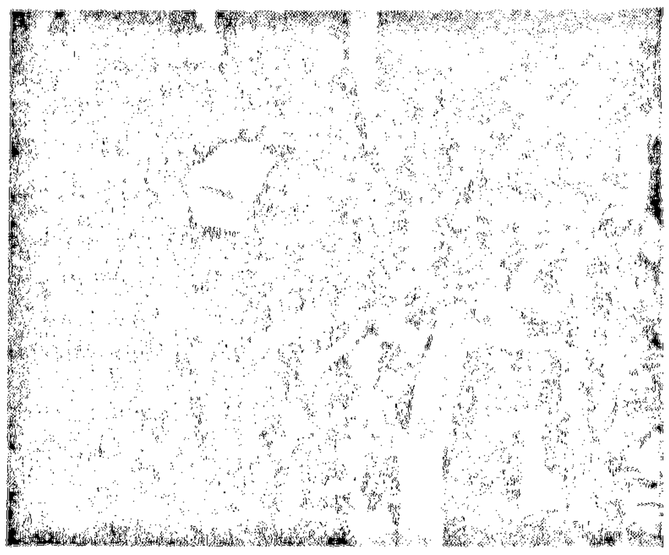
2 марта с утра был открыт доступ к гробу В. П. ПОЛОНСКОГО, установленному в конференц-зале клуба писателей. В почетном карауле у гроба стояли тт. И. Гронский, В. Сахновский, Л. Леонов, Б. Лавренев, Лебедев-Полянский, В. Мезенцев, А. Малышкин, Тарасов, Б. Пастернак, М. Светлов, П. Когаи, Вагинов, Корнеев, Головин, Шмарин, член Малахитовского АПП т. Лаврин и др.

Днем в клубе ФОМ у гроба т. Полонского состоялась гражданская панихида. Траурное собрание открыл т. Лебедев-Полянский. Выступавшие товарищи от сектора науки, Наркомпроса, Музея изящных искусств, ОГИЗ-ГИХЛ, Третьяковской галереи и другие организации в своих речах отмечали, что советская общественность в лице В. П. Полонского потеряла крупного культурного работника. И. Гронский рассказал о последних днях жизни В. П. Полонского.

Вечером 2 марта тело В. П. Полонского было кремировано.

Утром 3 марта состоялось погребение урны с прахом т. Полонского. Катафалк с урной проехал другим похоронным на новом кладбище б. Ново-Девичьего монастыря.

В 12 час. дня прах В. П. Полонского был опущен в могилу.



Памяти В. П. Полонского

Бывает так, что мысли, которыми следовало поделиться с живыми, вместе с мертвым приходят тогда, когда в урну, с прахом и все вокруг тебя поставлено на свои места. Поэтому эти слова следует читать непроизнесенной речью, речью на гражданской панихиде по Вячеславе Павловиче Полонском.

Я хотел говорить об умершем не как о редакторе толстого журнала «Новый мир», а как о редакторе очень хорошего и очень боевого журнала «Красная новь», как о редакторе журнала, который был частью ближайшим тылом фронта в 1919 г. В то время большая барская квартира в огромном доме у Сретенских ворот была местом, где встречались редакторы красноармейских газет, начальники политотделов, начальники художественных секций полков и флотов. Вокруг В. П. Полонского был круговорот событий, и в запахе красок и типографской краски примешивался запах порохового дыма. Это было частью в бурное время борьбы, побед и первой молодости, и будущие историки, вспоминая Всевобуровцев (бюро военных комиссаров) и ПУР эпоху гражданской войны, не обойдут память бывшего начальника литературного отдела и председателя Высшего военного редакционного совета. Он исполнил долг революционера и политработника так, как это требовала от него эпоха борьбы пролетариата за диктатуру пролетариата.

Память о человеке составляется из десятков и сотен листков, похожих на листки календаря, — это встречи, диалоги, рассказы, беседы. Среди этих листков есть красные, навсегда остающиеся в памяти. В моей памяти весна 1919 и 1920 гг. — красные листки воспоминаний о Полонском.

Но я пишу в 1927 г., на рубежах, в Париже.

Был расцвет американского (и французского) «процветания». Париж снял огромными плакатами по случаю визита 30 000 американских легионеров, по случаю юбилея перемирия. Парижане задыхались от одиночества, от зависти, которую привезли американцы, и были [illegible], которые полагали, что стабилизация рассеивала чуть ли не на десят летия. На Елисейских полях, среди огня электричества, грохота оркестров, полуголодного беглеца Полонский сказал: «Поговорите, и на нашей улице будет праздник! Мы еще повоюем, черт их возьми!» Это был отблеск революционного огня.

Эти сказы человека 1919 г.

Из того, что осталось от трудов Полонского, запомнится литературный портрет Бакунина. И еще — те, кто знал Полонского-оратора, не могут не прочитать его произведения, несколько риторического темперамента и того «esprit de repartie», искусства отбивать реплики, которые тут ценны в ораторе, деловитые, в хорошем смысле этого слова.

В наше суровое и счастливое время на коммунистических рядах выбыл человек, выбил нашлушие самого важного, самого значительного человека его литературных воспоминаний. Он умер на линии огня социалистической стройки он умер как человек 1919 г., и это, разумеется, печальное событие для всех тех, кто желает победы, кто хочет приблизить победу восходящего класса — пролетариата.

Л. НИКУЛИН

Схватка в тайге

Смотр молодежной литературы

О романе Е. Пермитина „Когти“

Основная ткань романа Е. Пермитина «Когти»* — жизнь таежных охотников, отношения их в процессе производства (охоты). Роман уводит нас в лапсную сибирскую деревушку со старожильческим населением — Козлушку, отрезанную от культурного центра десятками километров бездорожья и непроходимой тайги. Пермитин попытался передать свое социальное качество тому, что интересовало писателей так называемой «приключенческой литературы». Он попытался взглянуть на мир иными классами, показать классовую борьбу, борьбу нового со старым в отдаленном и своеобразном уголке нашей страны. Он все думает, что социализм — это, там, фабрики, заводы, электрификация и только. Нет, колубчик. До Козлушек, до самых захудалых Козлушек, с социализмом потрудиться спутаться», заключает основной персонаж романа энтузиаст Митя. Пермитин в художественной форме пытается показать мощное эхо нашей эпохи, все более ускоряющееся несущееся по человеческим острожным тайгам.

Жалкие когти показывает толовику тайги. Когтями зацепил в бедняков-охотников кулак Анемподист Бонифатьевич. В когтях держит всю «захудалую Козлушку» скупщик пушнины Денис Денисыч Белобородов. Когти — это символическое изображение тяжести, под гнетом которой живет Козлушка. Когти вместе с тем изображение той ненависти к классовому врагу, которая пробуждается в сознании бедноты.

Роман начинается изображением прекрасных картин дикой, нетронутой природы тайги, чистоты первозданного бытия, усиленным описанием охоты на соболей и белок. На фоне этой романтики мы видим жуткие картины смерти охотников.

Пермитин как бы противопоставляет романтику охоты, и технизацию жизни одиночки-охотника. Он старается отделить социальную сторону охоты, показать ее как специфическую форму человеческого труда.

Для одиночки-охотника когти природы — реальная опасность. Эта опасность усиливается еще технической отсталостью охотника. Но не меньшая опасность для него — попасть в [illegible]ние, более сильные когти кулацкой [illegible]балы и эксплуатации. «В прем. Анемподист Вонифатьевич [illegible] брал в собой или безружейного охотника из разоренных или [illegible] на нуждающихся семей. Для слушания работу на промысле ухватился старик вязальщиком на [illegible]».

Редко его уходит и от когтей скупщика Дениса Денисыча. «Больше двадцати лет был он единственным скупщиком пушнины в этом [illegible] таежном угле, а в прошлом и сам держался «старой» веры. Как «свой» он пользовался неограниченным доверием у кержаков и выгодные дела делал, обманывая их». Денис Денисыч сумел пристроиться и после революции — он агент Пушнорга, «пролетариат, читатель пролетариата». В скрытых когтях этого «пролетариата» зажата вся Козлушка.

Пермитин показал, что бедота Козлушки может выбраться из этих «когтей» скорее всего через организацию артелей.

Но эти бесспорно верные выводы не звучат, однако, так, что на организацию артели бедняка а первую очередь толкают всего классового врага. Пермитин самораскрывающий [illegible] обосновывается с полнейшей убедительностью, что сознание необходимости организованной борьбы против классово-враждебной силы. Классовая борьба вскрывается у Пермитина иногда подменяется борьбой человека с природой, изображением поединка, описанием охоты.

Экономически и культурно «Захудалая Козлушка» настолько отстала, что даже в 1927 г. (время действия) сохраняла в своем обиходе многие черты первобытности. Классовый антагонизм в ней же развился до той степени, когда два лагеря резко противостоят друг другу. Наоборот, этот антагонизм несущественно сглаживается на основе «общности мировоззрения, единства веры». Пермитин как бы нарочно выбрал такие условия, чтобы сильнее подчеркнуть силу идей революции, сплачивающих умы людей.

Вывод из того, что нарисовал писатель: сознание козлушанцев не может дойти до необходимости организации своей силы, находит писатель вне лагеря. Пролетариат, партия — вот кто поведет под знамя и социализму разобщенные таежные группы. «Работник учета Дмитрий Шешинов, по социальному происхождению неизвестный, но, несомненно, пролетарий, в ближайшем будущем — член ВЛКСМ», появляет в Козлушку. Возмущенный поступками кулака Анемподиста и скупщика пушнины Белобородова, он вливается в Козлушке, решив несгибать ее на твердые когти.

Пермитин выбрал Митю не случайно. При той стадии, которую он делает на молодежь (в письме секретаря райкома партии Бобышцева к Мите говорится: «В кержацких деревнях начинать нужно только с молодняка»), нельзя было взять другого героя (по возрасту, конечно).

Но, взяв с молодежи, писатель забыл о взрослой части населения. Для него она остается неизменной — закоснерсированной и раз навсегда данных законах и обычаях.

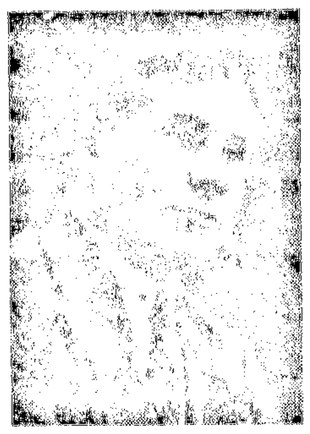
Конечно, очень хорошо, что показал рост сознания молодежи. Терька, Зотик, Амоска, не говоря уже о самом Мите, неоспоримо в примерных артельщиков «сельского хозяйства и охотничьего промысла». Именно эти кадры, как говорит Бобышцев, помогли взорвать закоснелый деревенский быт и облегчить движение крестьянских масс к социализму.

Образ Мити вместе с другими положительными героями — борцами против кулацкой замкнутости, [illegible] заросшей еще патриархальщиной. Мы [illegible] — это канал, по которому идет пролетарское и партийное влияние на деревню.

Хорошо и то, что кулак Анемподист и торгаш Белобородов были разоблачены Митей при активной помощи секретаря райкома комсомола и райкома партии. Образ партийного секретаря Бобышцева нарисован в тонах, достаточно верно отражающих роль партии в социалистической перестройке сельского хозяйства: сочетание конкретного дела с революционной перспективой.

Вслед за победой классового врага Пермитин показал и его поражение. Роман заканчивается победой Мити. Когти врага трещат. Классовая дифференциация обостряется все резче и резче. Теперь уже у зрительников «когти острые, стальные когти отрастают». Но эти когти еще не пущены в дело, они не сдавили еще горло классового врага. Враг еще существует. Две силы противостоят друг другу. Тактика артели это пока только тактика обороны, а не нападения. Даже больше того, классовые антагонизмы не обнажены писателем с такой силой, враг не изображен так, чтобы мог вызывать большевистскую непримиримость и ненависть. И это плохо.

Плохо и то, что «Когти», подводя нас к тому, что сознательным строителем жизни становится молодежь, не добиваются победы идей партии, без мы говорим выше, над взрослыми. Бодрые дедушка Наум, положительный образ романа, идет к артели всей дорогой, дорогой христианина. «С богом, в добрый час» в артель Пути Наума ничего общего не имеет с путем бедноты, лишаемой и артель на основе осознания своих классовых интересов. Писатель по сути дела подходит к пониманию, отрицающей возможность перевоспитания взрослого кержацкого населения. И именно это положение не выдерживает никакой критики, потому что одной из основных политических задач пятилетки является «преодоление перевоспитания капитализма в экономике и в сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».



Е. Пермитин

В соответствии с этим [illegible] дикие недостатками [illegible] и формалистическая заостренность на классовой борьбе, сосредоточившая внимание на борьбе человека с природой приведет к чрезмерному обилию пейзажа, хотя в первой части романа пейзаж является необходимым средством выражения идеи. Недостаточно ясная трактовка вопроса перевоспитания взрослых приведа к тому, что некоторые образы при их внешнем, видимом движении остаются внутренне неподвижными.

Однако «Когти» после «Колкана», несмотря на все свои недостатки,—выражение изрядного роста автора. Роман — крупный вклад в пролетарско-колхозную литературу.

ИВАН КОЗЛОВ

Лирика могэсовца Батурлина

Творческий смотр молодежной литературы отразился на МОЛЭС выпуском стенгазеты «Сигнальщик» «За пролетарскую литературу» (тираж 200 экземпляров), посвященной творчеству почта-монтера высокогорного района электросети т. Батурлина.

Батурлин — один из активных работников московской организации пролетарских писателей (МАПП), творчески в ней растущий; он является представителем той массы ударников, которые пришли в литературу в первые месяцы призыва.

Результат, малый еще рассматривать Батурлина как зрелые сложившегося писателя. Однако в сейчас уже можно прощупать и выявить различные тенденции его лирики. Факты героической работы на производстве, отношение ударника к станку, мобилизация внутренних ресурсов, новое производственное оборудование, затруднения в работе связи — таков в основном тематический круг стихов Батурлина.

Лучшие стихотворения в «голодном» «За пролетарскую литературу» с нашей точки зрения — «Связь». Именно, казалось бы, не такой уж «крупный» факт, как восстановление разговора по телефону, Батурлин показал как значение большой производственной важности.

«Он симпатичен, но не красив,
Вы в трубках разводит врам,
И что вам, что Барсов пошел за тяжи,
Чтоб ехать на место аварии...
В котлах сгорел трансформатор,
В разном на витков не доматал,
Потому что не автомат...
Женятся и разводятся».

Конкретность поэзии Батурлина, умение осветить частное общим, поднять на принципиальную высоту отдельный факт, разделить его — все это на данном этапе его творческого развития еще ограничено рамками критики отдельных бытовых и производственных явлений («Связь», «Безвинные», «Конкуренты солнца»). И если Батурлин находит яркие строки, раскрывающие образ «натренированного пытка» Сыпачева, поэтому ведущего сети во время наводнения, то в том же отрывке из поэмы «Конкуренты солнца» Батурлин не сумел дать образ инженера Виноградова, энтузиаста труда, противопоставленного этому «пытку», а ограничился поверхностной декламацией «вокруг да около» Виноградова.

Там, где творческому замыслу стихотворения было бы оказать помощь ударника, видишь лишь обесцвеченные, схематические этикетки, наименования: «ударник», «ударный», «могучие руки», «стальные и уверенные жесты» и т. п. Зато станок, деталь, инструмент («Ударный фрезер «115 тысяч вольт», «Молнии») пером Батурлина «очеловечены», оживлены и пьют и кров, именно на техническом процессе, на технике сосредоточивается внимание читателя, что и дало основание автору Ленинского района указать на тенденции лефовско-конструктивистского «техницизма» в лирике Батурлина. Следует отметить в связи с этим механистическое, искусственный, «выход» общественной темы из подобных технических зарисовок.

С тенденциями обесцвеченно-схематического подхода к герою производства связано у Батурлина и эстетическо-воспитательное отношение к стройке. «Стихотворения», «орфиты», «энергоцеи», поэмы «Конкуренты солнца», «Наши нужные — инженеры виноваты», — все это из арсенала «Кузницы» и Пролеткульта 1918—1921 гг. — стиль, как он характеризует, и выражает неумение автора вскрыть конкретные связи действительности. Временами это неумение связывать переходит в ощущение растерянности перед многообразием фактов, [illegible] бессмысленно блуждает и теряется, перескакивая в «Новой мелодии» от комбайнов к электростанциям, от них к «колбам», от «колб» к домам, к ликвидации неграмотности, в Донбассу и т. д. Получается, по существу, пассивное регистрирование самых различных фактов, скрашенное общей приподнятостью тона.

С исключительной остротой перед Батурлиным, как и перед всей массой ударников, стоит вопрос учебы. В стихах Батурлина, как и на стихах других ударников, наряду с огромной здоровой классовой устремленностью, нетрудно обнаружить воспроизводство лефовско-литфронтовского схематизма, конструктивистского «техницизма» и отдельных воронщины («У. Изаксы», «Тимаев»).

Что это — повесть не раз битых и разоблаченных неверных установок? Тысячу раз нет! «Стихийность» первых творческих шагов ударника — вот в чем дело! Именно потому так опасна всякая успокоенность на «таланте» (в Батурлине много талантливо!), всякое пренебрежение теорией марксизма-ленинизма в целом и литературой в частности. «Великое умаление роли «сознательного элемента»... означает тем самым, совершенно независимо от того, желает ли этого уменьшающий или нет, усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих» (Ленин, «Что делать»).

Б. Д.

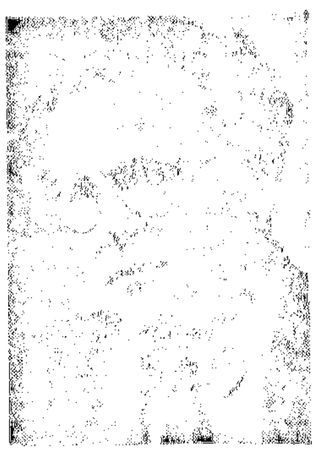
Ф. ГЛАДКОВ

ЭНЕРГИЯ

Действие романа «Энергия» развертывается на фоне социалистической стройки гигантской гидроэлектростанции. Среди сплошных крестьянских полей, на берегах большой реки, вырастает индустриальный город комбинатов. Изменяется лицо земли, разрушаются грани между селом и городом. Рисуются картины напряженной классовой борьбы в процессах организации колхозной стройки и социалистического формирования деревни под руководством коммунистической партии и комсомола. Весь роман посвящен изображению мощной переделки жизни, показу новых людей созданных и создаваемых революцией, — типических характеров современности, через раскрытие их внутренних коллизий.

«Энергия» делится на три книги. Первая книга — «Прорыв» — печатается в «Новом мире».

АВТОР



Ф. Гладков

В прошлом году река, подпертая перемычками, неслась здесь густым стремительным напором. Теперь она бурлит в лесном протоке с грохотом далекого водопада, несется по крутому уклону, по отвалам каменного бута от взорванных перемычек, в прорывах между бетонными быками будущей плотины. Вершины этих быков видны из глубины котлована, как боевые бастионы. Снизу они кажутся головокружительно высокими.

Балеев шагал по разворошенному взрывами дну, до отштиф[illegible]ванным гранитным начальным, по дощам мельчайшего строительного песку. На сумеречных гранных нишах — прозелень, между рамами, отгороженными от реки бетонными шпонгорами, журчала по камням вода. Эти ручьи играли на солнце, ветвились и сливались один в другой. И уже в самых глубоких местах порожистая журчала маленькая речка в уступах скал, впадала в бурное озеро, застроенное шлюзами, турбинами и лесами. Низкими струнами шли электромоторы мощных насосов. Всюду громоздились кучи камней, щебня, горы песку, [illegible] ускользнуть изогнутые параллельно рельс, низкими вагонетками арт[illegible] нями напрягались инструкционные [illegible] рельсы на шпалах. На рельсах [illegible] вагонетки и лежали, в [illegible] [illegible] [illegible] «матюковы».

Несколько рабочих сидели на камнях, [illegible] курили, жмурились от солнца и скалили зубы. Около них стоял мастер-[illegible] [illegible] кран, вытянувшись над ними острую вершину треугольника и жил их в покоящей неподвижности. [illegible] [illegible] [illegible]

«Львцы» троцкистской клеветы

...Даже слуга в книге, или иногда вспоминается высказывает «Вы мертвецами в борьбе решен»...

Овалов

«Нас разделяет годы, и его молодая нетерпимость чрезвычайно готова спорить с моим старческим мягкосердечием»... Так пытается охарактеризовать сложная Мерезова, героя своей первой повести, свою позицию в этой книге Овалов, один из лучшенных героев «Лодки сомнений». Таким авангардистским противопоставлением идейных позиций показаний пытается оправдаться Овалов. Он пытается широкой спиной своего рабочего-героя прикрыть и замазать действительную идейную направленность своей контрреволюционной троцкистской болтовни «Лодки сомнений». Он заставляет всего рабочего-героя голосовать за эту книгу: «польза, которую может принести роман, мне думается, заключается в том, что Овалов предпринял такую попытку» (речь идет, очевидно, о попытке характеризовать троцкистскую оппозицию). Овалов писал эту книгу в 1929 г., в предисловии, написанном им уже в январе 1931 г. и напечатанном в журнале «Октябрь» без редакционных примечаний, автор продолжает линию романа, изображая кадрового рабочего как мелкобуржуазного, колеблющегося хлюпика: в одном месте Мерезов говорит о книге: «Прорыв, прорыв...», а в другом заявляет, что все это «книга плачет волчу». Куда в истории идейной борьбы партии могло иметь место утверждение о «пользе» идейного прорыва? Путает, путает наш автор!

Основная идейная линия книги направлена против партии. Автор не критикует книгу после разгрома, по-большевистски, на в своем предисловии от января 1931 г., на в своем письме в редакцию «Комсомольской правды». Предисловие только маскирует антипартийную сущность политической позиции книги и ее автора.

Эпиграфом книги Овалов пытается вызвать сочувствие к своему герою: «...он отдался в увлекающем одиночестве».

Кто же этот герой, к которому направлено сочувствие автора? Бриндев — активный троцкист, он ведет антипартийную фракционную работу в типографии на посту директора. Он разоблачает троцкистские воззрения, он использует типографию для печатания антисоветского документа, заставляет рабочих-коммунистов типографии механически подчиняться ему и печатать брошюру, направленную против партии, он идейно разлагает мотовлеж, заставляет Тонкинского во время демонстрации в октябрьские октябрьские дни выкрикивать на плакаты антисоветские лозунги. Писатель-большевик, коммунист, борясь на деле, а не на словах, за генеральную линию партии, разоблачил бы такого героя, обнажил бы его перед читателем, показал бы мелкобуржуазные антипролетарские корни его мировоззрения, тех влияний, которые толкнули его на путь антисоветских действий. И, конечно, писатель-большевик не искал бы сочувствия читателей к такому герою! А как изображается его Овалов? Бриндев — это боевик, большевик, вождь в прошлом, активный пропагандист контрреволюционных троцкистских идей в дни революции. И в это-то дни Овалов вкладывает его образом героизма, мученичества. А когда Бриндев убеждается в том, что массы рабочих, что вся партия — против троцкистов, что побеждает генеральная линия партии, он кончает жизнь самоубийством. Фальсификация противоречит Овалову. Сговаривались антипартийные, троцкистские партии элементы, а не партия партии всегда, но большевистски отзывала здесь вред антипартийных своих показаний и подтвердила их лживостью критике, проведенной под руководством партии и ее ленинского ЦК борьбу за генеральную линию партии за ее победу до конца, вплоть активную борьбу против всех уклонов, преодоления и своих собственных ошибок. Именно в этом сила непримиримой идейной борьбы партии, которая обеспечивает единство ленинской партии, очистка все чуждые элементы, во сохранения, идейно укрепляя, перевоспитывая людей, которые хотят и могут работать под большевистскими знаменами. Овалов борьбу партии с оппортунистами изображает по-троцкистски. Его схема на примере Бриндева такова: хороший большевик до революции, герой в борьбе за троцкизм, встречает крах своих троцкистских идеалов — после чего остается один выход — «мерть».

Позицию писателя, так изображающего идейную борьбу партии, можно характеризовать словами т. Сталина: «Мелкобуржуазные группы проникают так или иначе в партию, вносят туда дух колебания и оппортунизма, дух разногласия и неуверенности, они главным образом и являются источником неразумности и зарева партии внутри». Эти слова Сталина характеризуют классовую, политическую функцию книги и идейно-политическую позицию автора, ее писателя.

В книге автора нет ни рабочего коллектива, ни коллектива коммунистов, ни комсомольского коллектива, заряженных энтузиазмом борьбы за социализм, прочных партии. Автор «Сомнений» показывает сомнительных рабочих, сомнительных коммунистов, сомнительных комсомольцев. Автор не тратит красок в своего «художественного» мастерства, чтобы показать положительных героев читателю.

Кто же в изображении Овалова ведет борьбу с троцкистами? Кто разоблачает враждебность их идеологии партии, рабочему классу? В изображении Овалова это делает не партия, не весь рабочий класс, как это было в действительности. Нет. По Овалову, ведут борьбу с троцкизмом прямо-пропагандистские элементы дыхания и совершенно аморальные, продажные людишки типа Гусаревича, которые за деньги готовы печатать троцкистскую литературу, за предательство — жениться, которые обманом хотят освободить кулака от советского налога, которые и ответ на исключение из партии — за все эти прелести — радуются возможности организовать крупное торговое предприятие совместно с кулаком. Гусаревич, по Овалову, — член бюро ячейки коммунистов; именно он требует исключения Бриндева из партии в ОКК. Большевик буржуазного оппозиционера показан борьбы партии с троцкизмом автором-коммунистом в литературе до сих пор мы не имели. А ведь Овалов называет себя большевиком (см. статью его в «Комсомольской правде»).

...Автор книги повторяет своего героя...

Хватило силы написать книгу против партии, нехватает большевистского мужества со всей решительностью разоблачить ее идейный смысл, разоблачить враждебную идею книги о том, что с троцкистами и партии вели борьбу прямо-пропагандистские, перерождающиеся элементы, а не партия под руководством ее ленинского ЦК.

Троцкизм Оваловым не разоблачен, идет в романтические покровы, не вскрыты классовые корни его. Не показана героическая борьба партии за ленинизм.

Автор не показал банкротство оппозиции. Совершенно не разоблачена в книге реакционная сущность троцкизма, антипролетарский характер всех его теорий и теорием. Не разоблачены контрреволюционные рассуждения героев Овалова о перерождении партийного аппарата, о превращении партии в агентуру кулачества и нэпманства. Не показано автором превращение троцкизма в передовой отряд контрреволюционной буржуазии.

Безответственная клевета троцкистского документа о том, что «рабочие и крестьяне не имеют и тени политической власти», остается автором без критики. Автор не приводит фактов политической лапей действительности, опровергающей эту ложь. А сколько таких примеров дает каждый день строительство социализма в нашей стране? Их встретить на каждом шагу в практике и в политике нашего строительства. Неправильно умалчивает о них Овалов.

В книге опорочено и наше колхозное строительство. Известный уже читателю кулацкий агитатор Гусаревич говорит: «Скоро деревня вообще хлеб давать не будет... Вот колхозы опять... Бессмысленная затея... Что из них выйдет? Хорошие хозяева в колхоз не идут, туда только лодыри всякие влезут — охота на чужой хлеб сесть да подыремничать...».

Этой злой кулацкой буржуазной болтовне ничего не противопоставляет автор.

Все оскорбительно о книге характеризует политическую позицию автора. Именно так политически следовало Овалову критиковать свое произведение, а не заниматься разговорами о том, что: «Низкий уровень мировоззрения и совершенно недостаточное изучение материала определили неверный и нетолковый показ троцкистов» («Комсомольская правда» от 26 января 1932 г.).

Невежество само по себе — большой порок. Невежество коммуниста-писателя в вопросах истории партии и ее идейно-политической борьбы — порок в огромной степени. Как может служить также невежество оправданием автору-коммунисту в появлении книги, направленной против партии. Неубедительно заявление автора, что распространение троцкистских антисоветских листовок в книге «Сомнений» объясняется низким уровнем мировоззрения и недостаточным знанием материала. Но приведем характеристику героев Овалова и характеристику, какую дает Овалов партийным кадрам.

Секретарь партийной ячейки Чуброва он изображает как оборотистаго, бездушного формалиста, который не интересуется никакими вопросами производственной жизни коллектива, никакими вопросами жизни, борьбы рабочих, коммунистов на предприятии. Он тупо карьерист. Такое изображение партийных кадров не может быть объяснено невежеством автора, недостатком мировоззрения — это программное троцкистское освещение облика партийных кадров. Достаточно присмотреться к партийным работникам любой организации большевиков, любой ее ячейки, чтобы ложь эта была разоблачена. До каких чудовищных антипартийных извращений в своей художественной практике дошел Овалов!

Книга Овалова — это троцкистская извращение одной из страниц истории большевизма. Вот почему позиция непримиримой партийности требует последовательного разоблачения книги, политической позиции автора, требует борьбы с примиренческим отношением к этой книге, а также попыткам автора отрицаться незрелостью мировоззрения, неосмотрительностью, порочностью метода, в силу которого, помимо воли и сознания автора, получилось антипартийное «художественное» выступление.

Дополнительно разоблачается автор книги описанием к «художественным» аспирантом ОКК партии. Роль ЦК в борьбе за идейное единство коммунистической партии на всех этапах борьбы — отсрочка. В разоблачении троцкизма, в борьбе с правым уклоном, в борьбе с «левой» фразой — контрольные органы партии неуклонно проводили линию партии, ее ленинского ЦК. Овалов, извращая борьбу партии, пытается опорочить и работу контрольных ее органов. Свое описание ОКК он начинает следующим образом: «Пятнистые мраморные амуры с пухленькими и довольными животиками радушно стояли при входе в занимаемый контрольной комиссией особняк и как бы символизировали одновременно чистоту и твердость решений авторитетного учреждения... и далее... некоторая стильная барская перешина изнуживала длительное чистилище... на обмысливая, трепетно ожидая страшного суда, что для в день сидели люди...» Такова издевательская зарисовка ОКК. Так воспитывают контрольные органы партии чужие люди. Люди класса, люди партии идут в эти органы за помощью, поддержкой. В одном прав Овалов. КК — это страшный суд для врагов партии всех мастей. Но почему автор «Сомнений», который называет себя большевиком, страшится КК и только эту сторону дела воспринимает?

В книге нет убедительных примеров партии успехов социализма, автор не показывает героизма людей партии, героического энтузиазма ленинского комсомола. Страшным образом все это выпало из книги Овалова. Хмуры и угрюмы рабочие, изображенные им.

«Творческая зрелость и пожелание образцам классического романа» — вот причина появления такой книги, как объясняет Овалов. Вся несуразность этого утверждения становится очевидной, когда в память перебираешь произведения классиков, где каждое из них определяется служением идеям своего класса. Овалов пытается и здесь появление своей книги оправдать художественной практикой классиков. Овалов, выдав расписку в незнании истории своей партии, выдает дополнительно свидетельство невежества и в вопросах изучения культурного наследства прошлого.

Вместо честной, большевистской, убедительной критики — оправдание ошибками других товарищей, — такой стиль и предисловия к письму в «Комсомольскую правду».

Конечно, грубой ошибкой редакции журнала «Октябрь» было печатание «Лодки сомнений» в 1930 г. Грубейшей ошибкой было печатание журналом «Октябрь» в 1931 г. его предисловия, маскирующего ошибки Овалова (секретариатом РАПП были отмечены все вышеуказанные ошибки).

Но только для политически трусливого автора может это служить оправданием и прикрытием. Если же постараться вскрыть метод писания «Лодки», нетрудно вскрыть струшанский об'ективизм автора: «об'ективист... лишенная необходимости данного ряда фактов, всегда тянет свиться на точку зрения анализа этих фактов... Материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... материалист говорит о том классе, который заводит данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов» (Ленин, собр. соч., т. I, стр. 276).

Ничего подобного материалистическому методу писания истории классовой борьбы мы не видим в книге. Книга порочна в своей основе. Оваловым не вскрыты классовые корни враждебного социализму троцкизма, не выяснена борьба за генеральную линию ленинизма. Книга защищает контрреволюционный троцкизм.

«Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии. Вот почему либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть голосотяпство, граничащее с преступлением, измена рабочему классу» (Сталин).

Слова т. Сталина — большевистский приговор книге Овалова.

В борьбе за создание Мавзолеев литературы подлинные писатели-большевики создадут большевистскую историю нашей партии.

А. ГРУДСКАЯ

Две жизни

Женщина как строитель жизни — это в буржуазном обществе тема бесконечная.

Это — тема наша. Тема пролетариата, распределяющего женщину, ставящего ее в ряды равноправных и активных строителей жизни.

8 марта будет очередной международный смотр революционных женских сил, борцов за свободное будущее женщины, с ее проклятым настоящим.

Таковы лозунги для пяти шестых мира. Но для одной шестой лозунг формулируется иначе:

— Прошлое прошлое и свободно настоящее!

Только два факта:

У Анфимьи Григорьевны Васюкиной рассказ про новую деревню не получается. Анфимья Григорьевна сейчас колхозница — и активная! — но старая жизнь наложила на нее стойкий стальный отпечаток, «родимые пятна» индивидуалистической деревни настолько еще прочны, что весь склад мыслей колхозницы Васюкиной подчинен им. Поэтому: в колхозе Анфимья Григорьевна пару лет, в «единоличной деревенской жизни» она испытывала с предельной остротой — колхоз.

Как же прожиты эти полвека?

Тридцать лет было крестьянкой из Вирины Тамбовской губернии Анфимье Васюкиной, когда она первый раз столкнулась с системой отношения помещиков и крестьянам: барыня Поликатерина за «сделочную» украдкой одну рельку не заплатила ей и еще ее подругам за работу.

Еще через год она увидела порку попонского благочестия.

«...баба Горлиха... показалась по волосам попу:

— Мой сын в саду у помещика стоит сена сжат...

Вечером-то она показалась, в ноугу подлезает за Григорием, за гардинным сланцем».

На доклад-приговор попу Васюкина вышла замуж. В замужестве Анфимья и принала настоящую муку. Надсадная, муж, надсадная снова, надсадная на барском дворе, куда она с горя ушла работать. Потом начались скитания за мужем, ушедшим на «яма» — под Астрахань, в Кыштым. С ним оказалось — не легче, вернулась назад. Здесь еще тяжелее — снова к мужу. И так далее.

Но где бы ни была Анфимья — всегда содержанием жизни было одно: поклон за рублем, драка из-за часов, отрезка на платья, кочерга — чего угодно. Это — дома, а в обществе? Те же драки, пьянка, «ругатки», произвол деревенских и промысловых кулаков и власти, олицетворявшиеся в старосте, лесником, становом.

И как это ни странно звучит, но не будь в жизни Васюкиной столько плохого, от которого она все время отталкивалась, кто знает, была ли бы она такой активной колхозницей. У Васюкиной вождь было много оснований пойти по другому пути: вначале — ее семья была зажиточной, тоже — и семья мужа, да и он, сам он был, как «горшник» на производственном положении.

Рассказ А. Г. Васюкиной в своей жизни записал Р. Линец и издал отдельной книжкой *.

Р. Линец добросовестно записал этот незамысловатый, но волнующий рассказ, снабдив его хорошим предисловием. Однако едва ли можно признать правильным, что Линец при записи воспоминаний Васюкиной, очевидно, никак не направляла рассказчицу и совершенно не обработала этот сырой материал... Наоборот, заметно специальное подчеркивание неискренности речи Васюкиной, нарочитая стилизация, собственная любующаяся «народной малограмотностью» интонация.

Вторая книга — колхозницы Авдотьи Пазухиной, рассказ «Про колхоз «Труд», записанный П. Татаровой **. Здесь рассказчицей очень умело руководила, направляла отобрала и обработала. В результате получилась исключительно яркая и волнующая книжка о борьбе за новую деревню, ярко и убедительно за эту деревню агитирующая, являющаяся прямым руководством к действию.

Рассказ Пазухиной непосредственно дополняет книжку Васюкиной. Обе книжки следовало бы соединить в одну и хорошо издать в максимальном тираже, их нужно читать вместе — сначала о жизни Васюкиной, затем о жизни Пазухиной. Анфимья — вся в прошлом. Правда, она с громадным трудом освобождается от его груза и перебивается в новому, но рассказ ее посвящен старой темной деревне. Пазухина — вся в настоящем, в сегодняшнем горячем дне борьбы.

Она в первый же день революции влилась в ряды строителей социалистической деревни. Она перенесла на себе все трудности этой борьбы.

Тяжела была борьба, но какой бодростью и радостным ощущением жизни дышит каждое слово Авдотьи в противоположность печальному повествованию Васюкиной. Авдотья — это действительно новый человек, человек социалистического строительства, полный сил и энергии, чтобы преодолеть любые трудности. Авдотья прошла через все этапы классовой борьбы в своей деревне и привела за собой свой «задний колхоз», на ничтожной прослойки теперь превратившийся в решающую и основную силу деревни. Тоже — «обычная» история, «обыкновенная» жизнь, но какая яркая и волнующая! Как может «захватить» Авдотью Пазухиной Анфимья Васюкина!

Нет, захватить — слово, здесь не подходящее. Нужны другие слова — о силе примера. Слова эти нашла сама Авдотья.

«Дорогие мои товарищи крестьяне, — пишет она, — единоличники и колхозники, все, кто будет читать эту книжку. Очень прошу я вас, хорошо обдумайте все, что здесь прочитаете. Посудите, товарищи крестьяне, мою правду и поймите, насколько в коллективе легче жить, чем одному хозяйствовать.

Главное, не робейте, робеть! А кто вас запугивает, что в колхозе жизнь плохая, смейтесь тому в глаза».

Смейтесь, товарищи, тому в глаза! Идите за Авдотьей, «с неразделенной душой».

«Весело, дружно, много вас!».

МИХ. Ц.

* Массовая библиотека ГИХЛ, «Жизнь колхозницы Васюкиной», 1931, стр. 135.

** Массовая библиотека ГИХЛ, 1931, ц. 15 к., стр. 89.

Меняется география СССР

Нам нужно лучше знать свою страну

Путешествие в туркменистан

Вслед за повестью «Пустыня», сочувственно встреченной критикой, вышла в свет новая книга П. Павленко. Эти туркменские очерки лишний раз свидетельствуют о том, что П. Павленко, вступив на путь мировоззренческого перевооружения и творческой перестройки, успешно преодолевает остатки своего прежнего «попутничества».

И если, приехав в Туркмению, Павленко сразу убедился в том, что «надо писать не углы своих времен, но краеугольные позиций труда и быта Туркмении» (стр. 4), то в результате бригадного путешествия у него состоялось отчетливое и конкретное представление о классовой борьбе в национальной республике. Ознакомившись со сложной экономикой Средней Азии, принял непосредственное участие в поголовной кампании, выступая одновременно как писатель и общественник, Павленко сумел отобразить туркменскую действительность не в отвлеченно-эстетическом плане, а именно в разрезе классовой борьбы.

Уже не удивлялись романтикой былых таинственных, автор оценивает «экзотические» особенности Туркмении как нечто обветшалое, слабое и даже вредное. Вредное потому, что все остатки старой «экзотики», несмотря на ее внешнюю привлекательность, по своей сути противоречат национальному строительству, социалистической реконструкции туркменского народного хозяйства. Туркмения на основе упорного проведения национальной политики партии, гигантскими шагами переходит от патриархального и феодального уклада к укладу социалистическому, а это прежде всего привлекает к себе внимание читателя. Поэтому в его книге мы находим ряд интересных данных о колхозном строительстве в обстановке напряженной классовой борьбы, о переходе очередных кочевников на оседлость, о борьбе за хлопок, о шелке, о грандиозных работах по обводнению и орошению пустыни, о создании национальных научных и технических кадров и т. д.

Тем не менее книга П. Павленко, давая нам представление о ходе строительства советского Туркменистана, не свободна от некоторых дефектов, свидетельствующих о том, что проблемы мировоззрения и творческого метода перед писателем стоят еще достаточно остро. Наблюдая динамичные особенности строительства и явления классовой борьбы в Туркменистане, Павленко в большинстве случаев не дает нам конкретного показа людей, реально осуществляющих пятилетку. Всегда и в этой книге Павленко до некоторой степени сказывается преобладание эстетической любви к вещам, к пейзажам, к событиям, а не к людям. Поэтому читатель узнает не столько о героях пятилетки, сколько о технико-экономических процессах и методах их осуществления.

«Путешествие в Туркменистан» заслуживает внимания еще и потому, что оно свидетельствует о поисках новых творческих приемов. Считая жанр очерка ответственным и наиболее подходящим для литературных экспериментов, Павленко мечтает «превратиться из делателя героев в делателя живых людей», хочет «написать о человеке в лицо», не изменяя его имени («Встать в жанре»).

Пока что книга Павленко содержит в себе вещи, статистически не однородные. В ней есть страницы почти статистического типа («К вопросу о культстроительстве в пограничных районах», «Встать в жанре»), есть очерки обычного типа («Мир — Нуцка», «Хлопок-человек» и др.), есть и очерки, перерастающиеся в сюжетную новеллу, в новеллистические формы («Тетрадь о весне», «Шелк»).

В целом же книга свидетельствует о значительном росте писательского дарования П. Павленко, об усиленности его борьбы за мировоззрение и за литературные формы, соответствующие нашей эпохе.

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

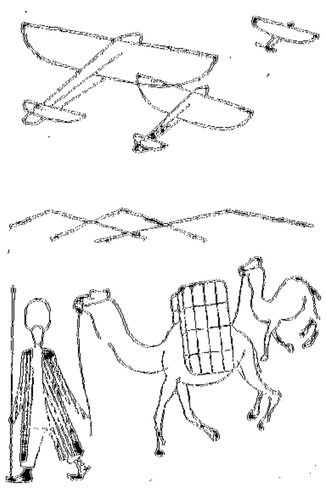
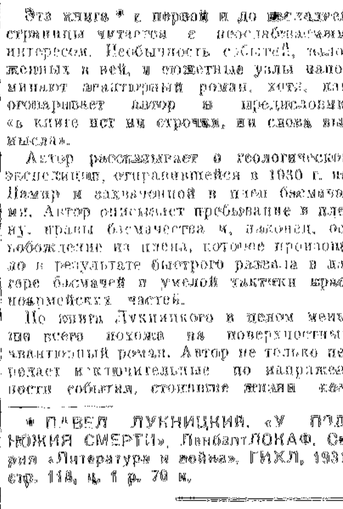


Иллюстрация худ. В. Титова к книге П. Павленко.

* П. ПАВЛЕНКО, «ПУТЕШЕСТВИЕ В ТУРКМЕНИСТАН», изд-во «Федерация», М. 1932, стр. 215, ц. 2 р. 65 к.

В плену у басмачей



Юдин и Лукницкий в момент освобождения из плена в группе пограничников. Иллюстрация к книге П. Лукницкого.

Эта книга * с первой и до последней страницы читается с неослабевающим интересом. Необычность событий, заложенных в ней, и сюжетные узлы напоминают авантюрный роман, хотя, как оговаривает автор в предисловии, «в книге нет ни строчки, ни слова вымысла».

Автор рассказывает о геологической экспедиции, отправившейся в 1930 г. на Памир и захваченной в плен басмачами. Автор описывает пребывание в плену, пути басмачества и, наконец, освобождение из плена, которое произошло в результате быстрого разгрома в лагере басмачей и умелой тактики красноармейских частей.

По книге Лукницкого в целом меньше всего похожа на поверхностный авантюрный роман. Автор не только передает исключительные по напряженности события, стоившие жизни каждому из геологической экспедиции, — ценность книги заключается во принципиальном анализе социальных корней басмачества и в освещении военно-тактических проблем борьбы с последними.

Круг наблюдений автора был ограничен тем, что он не владел киргизским языком и поэтому вынужден был во время пребывания у плену пользоваться по преимуществу сообщениями товарища по экспедиции, горного инженера Юдина, знающего язык и являвшегося переводчиком с басмачами. Но внимание автора к деталям событий и его умение связывать эти детали с общими вопросами классовой борьбы на Памире во многом позволили ему преодолеть отмеченную выше ограниченность круга наблюдений.

Значительно глубже разработана по-лже последняя часть. Столкновение между чапаевцами отряда Ямелетинова и помощника Тоноряшвили по поводу о дальнейшей тактике борьбы с басмачеством — это столкновение есть у разрешением военно-тактической проблемы на основе классового анализа; в [illegible] единым подходом к этой проблеме [illegible] учитывающие ее политическая [illegible]. Это в то же время ст[illegible] между классовыми подходами к басмачеству (Ямелетинов) и подходом военно-дедуктивно-эмпирическим (Тоноряшвили). Заслуга Лукницкого в том, что вы, показывая успешное выполнение плана Ямелетинова, наглядно раскрывает определяющее политическое значение противобасмаческих операций.

Таким образом, книга Лукницкого не только рассказывает, но и учит, не только отражает переживание, но и осмысливает его. Выпущенная в ЛенГИХЛ по лимитированной серии, она в то же время представляет немалый интерес и в плане краеведческой литературы.

Мы еще очень плохо, далеко недостаточно знаем свою страну, все ее разнообразные районы и области. Еще меньше, к сожалению, знаем мы действительность пограничных красноармейских частей.

«У подножия смерти» Лукницкого является одной из книг, начинающих заполнение этого пробела.

С.

* П. ЛУКНИЦКИЙ, «У ПОДНОЖИЯ СМЕРТИ», ЛенобЛЛОКАФ, Серия «Литература и война», ГИХЛ, 1931, стр. 118, ц. 1 р. 70 к.

О главной функции

К. Большаков в течение 1929-31 гг. написал ряд очерков, собранных в новой его книжке «Покорение Днепра» **. К очеркам К. Большакова, талантливого писателя, мы вправе предъявить повышенные требования.

Автор ставит перед собой вопрос: каким должен быть наш советский очерк? «Очерк подчинен, должен служить целям строительства... Если он не может, не выполняет своей главной функции, — любой и каждый в праве и может протестовать». Очерки Большакова хотят служить таким целям. Это несомненно. Вопрос иной: насколько автору удалось на деле отражать эту установку, насколько удовлетворительно его очерки выполняют свою «главную функцию»?

Наиболее характерными для сборника являются два первых очерка, посвященные Днепрострою, и очерк о Балахне. На них мы и хотим остановиться.

Легкая, набросная подача материала не спасает эти три очерка от больших недостатков. Очерки о Днепрострое написаны без глубокого знания материала. «Экскурсионно»-созерцательский подход к теме губит ее. Автору не удалось понять проблему «покорения Днепра» на должную идейно-политическую (и, конечно, художественную) высоту. К чему в сущности свел автор проблему покорения Днепра? К плохим, бесстильным «историко-культурным» «этюдам»: 1 тысячелетия не замечавшийся пейзаж порогов Днепра должен теперь измениться; 2. рекламы идет борьба человека с «опасностью» на него природой; 3 через тысячелетия потомка изнеженного человека, «вооруженные и более совершенными орудиями и более совершенной мыслью», совершает грандиозные победы над тем же поспешником (природой)! И на этом расшитом историческими справками из археологии фоне неловко и неуклюже звучит тезис о том, что эта гигантская стройка на Днепре могла осуществиться лишь в дни строительства социализма.

Видимо, автор забыл о «главной функции» очерка.

С «лубка», на котором нет автора в других экскурсионов лодчия Очеретянского, видимо, трудно было изучить Днепрострой даже в 1929 г. (очерк 1929 г.)

Поверхностность, вполне любопытство не оставляют автора и тогда, когда он сходит на берег и посещает строительство. Восхищение и радость экскурсоводов [illegible] главного инженера в одной [illegible] строительства», «мозг и сердце всего строительства», «штаб руководства борьбой за перерождение земли» не в состоянии заменить неосведомленности автора, неглубокого подхода к строительству, непродуманности целей очерка.

Второй очерк о Днепрострое — «Мост» — еще раз подтверждает что автор не владеет нужным материалом для очерка и поэтому вынужден говорить о «боковых» событиях движения, подчинений самоубийством, чтобы найти возможность вести далее плохо мотивированные мечтания о «праве на жизнь».

Очерк о Балахне — копирнее, [illegible] — это характеристика очерка т. Большакова о Балахне, конечно, не относится к очеркам других членов писательской бригады, в которой работал и т. Большаков и которая выпустила коллективную книжку «Большая Балахна»).

Но надо признать, что этому очерку, как и последующим, присуща одна опасная ошибка, которую автор открыто эксплуатирует. Очерк о Балахне — индустриал, «блокнотный». Причины этих качеств могли бы быть оценены «к сведению». Но автор усугубляет эти недостатки очерка такими непроверенными рассуждениями: «Очерк как таковой, современный очерк, не своей литературностью не высокой художественностью выполняет свою важнейшую, свою главную функцию» (стр. 91).

Мы отвергаем автору очерк «как таковой», «современный очерк» выполняет свою главную функцию с наибольшей убедительностью и силой, когда он высокохудожественен.

Идейно-политическая высота, помноженная на глубокое знание объекта, о котором автор берется писать высокая художественность очерка — необходимые, неизбежные основные условия, при которых очерк способен выполнять свою «главную функцию» — служить строительству социализма.

ВАС. СИД.

* КОНСТ. БОЛЬШАКОВ, «ПОКОРЕНИЕ ДНЕПРА». Очерки. «Федерация», 1931.

В борьбе с буржуазными влияниями

Литература советского Казахстана

В годы восстановительного периода основным органом в художественной литературе Казахстана являлся отряд в который входили представители байской буржуазной интеллигенции — алашордынцы: Байтурсунов, Дулатов, Кажегеев, Джумабаев, Аймаутов, Алмагул, Досмухамедов — сторонники буржуазной идеологии, работавшие главным образом, по линии художественной литературы, стремлению протаскивающие в литературу свои антисоветские, классово-враждебные установки, создавшие контрреволюционную организацию, направленную против советской власти и диктатуры пролетариата — эти столпы начали сходить с литературной сцены только после того, как крайком ВКП б) вынес ряд большевистских решений.

В связи с письмом т. Сталина и решением крайкома партии. Была проведена глубокая и тщательная проверка состояния художественной литературы и литературы Казахстана вообще. При этом было обнаружено множество фактов, говоривших о том, что поражение местных представителей буржуазной интеллигенции являлось только первым и далеко не последним этапом борьбы с классово-враждебными влияниями в литературе.

Взять хотя бы профессора Фатова, о котором много говорилось на критическом совещании РАПП. Фатов, проповедовавший в своих «трутах» идеалистические воззрения, Фатов, говоривший о М. Горьком как о непролетарском писателе и утверждавший, что «Климе Самгине» хуже «Луны в правой стороне», — этот почтенный профессор получил правильную оценку в социальном постановлении культпрофа Байрайкома и Казахского института марксизма и ленинизма:

«Ф. Фатов, бывший профессор литературы, развивал теорию, что писатель, как и вообще мыслитель, который испытал наибольшее количество наблюдений, окажется наиболее разносторонним, способным наиболее глубоко охватывать и понимать жизнь». Под «наблюдениями» Н. Фатов подразумевает влияние различных классов. Следовательно, наиболее ценным общественным деятелем и мыслителем, по Фатову, является тот, кто больше всего колеблется, кто больше всего делает перебежек от одного класса к другому. По Фатову, в рядах буржуазии мы можем выделить новую группу, искренне лояльную по отношению к советской власти (семеновщина)»... Это называлось Фатовым за ленинизм».

Фатов сейчас отстранен от работы в университете, но наследство его до последнего времени имеет хождение. В учебных заведениях Казахстана литературоведение все еще находится в руках малограмотных людей, пропагандирующих наследство своего учителя в наш сегодняшний день.

Фатов, подтверждающий наличие чуждых классов в литературе, очень много. Алашордынские байские писатели занялись, например, собранием старой народной литературы, произведений старых классиков литературы Казахстана. Совершенно очевидно, что за эту работу байские писатели взялись только для того, чтобы лишний раз воспользоваться возможностью протащить по этим чисто замаскированным каналам антипартийную, антисоветскую идеологию. И нужно сказать, что это им в некоторой степени удавалось. Собрав произведения Сулеймахмута, Тугайгирова и Абая Кунанбаева, писатели Аймаутов и Аймаов снабдили их предисловиями, в которых говорят, что Абай и Сулеймахмут — надклассовые поэты, выражающие общенациональные интересы.

«Абай оторвался от окружающей феодально-патриархальной среды, он остался общенациональным, для всех классов одинаковым поэтом-писателем. Абай в своей политической деятельности преследовал одну цель, а в поэтической и писательской преследовал другую цель».

Такова суть предисловия. Казахская ассоциация пролетписателей приостановила печатание этого сборника и подвергла его подробному анализу и тщательной критике. Творчество Абая было определено как творчество поэта феодализма.

Писатель Алмаутов в своем предисловии к произведениям Сулеймахмута и Торайгирова (контрреволюционный поэт) говорит об этих произведениях как о революционных произведениях.

Алашордынская идеология проявляется не только через байских писателей, но и через отдельных пролетарских писателей, таких, как Сайфулин, Хангильдин, Мендебаев и др. Сайфулин, например, в сборнике своих произведений «Кочевье» совершенно открыто восхваляет старый, патриархальный, родовой казахский аул, а о новом ауле, о совхозе, колхозе, МТС, о новых социально-экономических отношениях, о коллективных сдвигах, происшедших в деревенской среде, — не говорит ни слова.

О чем говорят критические книги Таджибаева? Его книги — единственные книги нашей казахской критики. Кроме книг Таджибаева, у нас больше ничего нет по вопросам литературы. Комсомольская и учащаяся молодежь читает эти книги, изучает их, берет их как основу в своей учебе. Между тем в книгах Таджибаева — не мало вредного, исходящего из плехановских установок, имеющего много общего с меньшевизмом и троцкизмом. Сам Таджибаев, занимавший большую роль в борьбе с буржуазной идеологией и ее влиянием в литературе, не раз оступался и подпадал (по ряду вопросов) под влияние этой идеологии. Таджибаев отрицал наличие пролетарской литературы, утверждая два рода литературы — буржуазный и демократический. Он утверждает, что сильные поэты всегда, помимо интересов их класса, выражают и общечеловеческие интересы.

Поэт Махтумгали — яркий контрреволюционный поэт, — говорил, что «большевики — это хороший сильный и что Туркиб приносит одну заразу и болезнь. Таджибаев называет, что этот поэт — был на стороне большинства народа, на стороне трудящихся.

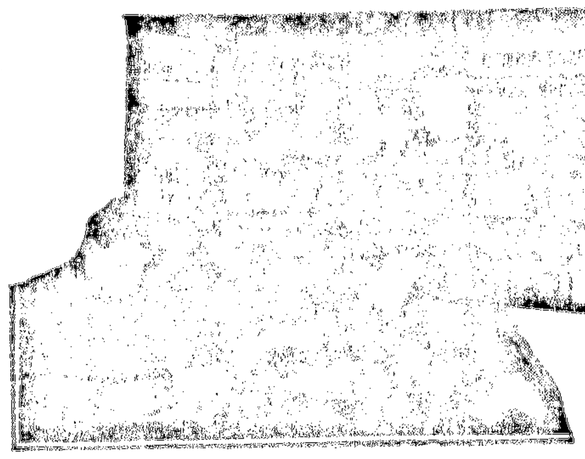
Привеленных фактов достаточно, чтобы можно было судить, насколько велика и ожесточенна классовая борьба в литературе Казахстана, насколько сильны еще классово-враждебные влияния в ней. Благодаря правильной национальной политике партии мы можем теперь наблюдать процессы расслоения в среде национальной писательской интеллигенции. Все чаще и настойчивее начинают заявлять о себе попутчики и союзники. Идет борьба, идет расслоение, размежевание. Пролетарские писатели Казахстана, борясь под руководством крайкома партии, добились такого положения, что сейчас в Казахстане почти оформилось пролетарское литературное движение. Ассоциация пролетписателей Казахстана уже сейчас насчитывает в своих рядах свыше 160 человек и уже сейчас объединяет около 10 секций.

Преодоленая трудности, пролетарские писатели растут и завоевывают новые высоты. Они пишут о Караганде, Прибалхашстрое, Раддере, Карсакпае, Турксибе. Они отображают в своих произведениях социалистическую реконструкцию. В классовой борьбе, в борьбе с контрреволюционными теориями и их влияниями, родилось ядро пролетарской литературы. Значит ли это однако, что мы можем успокоиться на достигнутых, к слову сказать, еще не всегда значительных успехах?

Необходимо, чтобы РАПП усилила руководство ассоциации пролетписателей Казахстана, необходимо, чтобы РАПП оказала им повседневную конкретную помощь.

КАИМ НАЗАРОВ

Литгазета 3



КАБИНЕТ УДАРНИКА МАПП развернул большую работу по литературе, руководству творческой и идейно-воспитательной работой литкружков в т. д. Каждый вечер кабинет посещают литкружковцы, рукописцы, писатели. В кабинете происходят собрания, творческие вечера, методические занятия.

ОБСУЖДЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТОВ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Кабинет ударника МАПП в середине марта начинает под руководством А. Гефтмана ряд: «Поэты революционной буржуазно-крестьянской демократии в России 60-х и 70-х годов». Сюда войдут творчество Н. Некрасова, В. Курочкина, Л. Трефолева, А. Барятинской (первая женщина), Н. Якубовича-Мельшина и др. Литературное наследие этих поэтов должно подвергнуться критическому и классово-историческому учению.

Буржуазно-либеральная критика встречала в отставшем в течение десятилетий творчестве поэтов крестьянской революции. Им противопоставлялись революционные стороны этого творчества (А. Фет, Ф. Тютчев, К. Случевский). Даже Плеханов, необходимо от буржуазно-либеральных традиций, начинает свою статью о Некрасове с приложения его антинародных погрешностей.

Должна быть установлена истинное положение этого значения поэтов крестьянской революции, ранних широко известные поэты, как, например, «Пушкиным» и «Тютчем» в кондовском мужике Трефолеве, как «Царь Горох» А. Барятинской, сотрудничавшие в «Искре» и фельетоны В. Курочкина, пользовавшиеся исключительным успехом в кругах шестидесятников и семидесятников и т. д.

1 марта в кабинете ударника открывается специальная выставка, посвященная этой теме. Кабинет рекомендует всем литературным кружкам ознакомиться с изученной сферой. Литературу можно получить в кабинете.

В конце марта и в апреле доклады и доклады будут переносны в работы на крупнейшие предприятия.

Крайком ВКП(б) о работе литорганизаций Сибири

Западно-сибирский крайком ВКП(б) принял специальное постановление об основных работы литературных организаций края. В этом постановлении крайком отмечает, что отдельные звенья партийных организаций и профсоюзов Западной Сибири недооценивают художественную литературу как мощное орудие мобилизации активности масс на дело социалистического строительства. Отсутствует должная практическая помощь в организации и воспитании новых кадров, идущих через призыв художника к литературу.

В целях привлечения внимания к участия партийных, комсомольских рабочих и колхозных масс в литературных организациях Западной Сибири проводится широкий смотр литературных произведений. По окончании смотра созывается широкое партийное совещание по вопросам художественной литературы и проводится конференция производственников. В редакции журнала «Сибирские огни» организуется кабинет ударника. В Томском педагогическом институте организуются курсы педагогики рукописи литературных кружков. (Рапп).

Вечер МОПР

Организационная при Моссоркоме писателей ячейка МОПР разворачивает свою работу. 18 марта ячейка организует вечер, посвященный X-летию Пражской коммуны и X-летию МОПР.

На вечере предполагается выступление председателя ЦК МОПР т. Стасовой. В концерте примет участие народный артист республики Л. В. Собинов.

Писательская группа ЦК печатников

При ЦК профсоюза бумагоделов и печатников образована группа обслуживания писателей. Группа будет непосредственно руководить рабкорской горсоюзов писателей, а также займется вопросами политико-воспитательной работы среди писателей, улучшения качества продукции, увязки работы писательских и профсоюзных организаций борьбы за бумагу, социально-бытовыми вопросами и т. д.

В состав группы включен представитель «Литературной газеты».

У ленинградских писателей будет клуб

ЛЕНИНГРАД (Наш корреспондент). С участием тт. Халатова, А. Богданова (зам. пред. Леноблсовета), т. Назарьева (секретарь Леноблсовета), Гарина, Соловьева (ГИХЛ) и др. состоялось заседание комиссии улучшения быта писателей, на которое вынесены вопросы о ходе строительства и социально-бытовой работе.

Так как массовой политико-просветительной и творческой работе среди писателей в Ленинградо-Ленинградском нет, отсутствует писательского клуба, то заместитель т. А. Богданов Леноблсовета предложил Ленинградскому райсовету срочно предоставить литературным и дворец Котуева или отдельно особняком на проспекте Володарского для клуба. Вместе с тем решено обратить и предложить Леноблсовета и ор. ГОЗ об отпуске необходимых средств для начала строительства клубно-жилищного комбината Ленинградского союза советских писателей в 1932 г.

Для облегчения жилищных нужд литературных писателей решено включить писательские организации в работу на предприятиях жилищ. Лениздат, — сообщает т. Назарьева, — оказал писателям содействие как в выборе обоих квартиров, так и в отношении жилищного кредитования.

В число мероприятий по санаторно-курортному обслуживанию ленинградского писательского из фонда КСУ, как сообщила т. Халатова, будет выделено три мест на курортах Кавказа и Крыма для творческого отдыха.

Литературное сегодня

■ Правление Дома печати совместно с МАПП организует 7 марта вечер пролетарской поэзии в Доме, посвященном 3-летию Анны Карповной. С докладом о творчестве ударника, про и поэтов и литературу выступит Н. Чертова (МАПП). На вечере с чтением своих произведений выступят писатели, пролетарские литературы Шагинян (поэт и прозаик), Ячеистая (поэт и мастер), Крыленко (поэт), Пестрый (поэт-сатирик), С. Маршак (поэт-сатирик типографии), Кравченко (поэт-сатирик), Сергеев (поэт фабрики «Московский № 6») и др.

■ ВОКС и Государственный музей Революции Искусства устроят в марте Вечер-лекцию Вечер-лекцию т. Бакшанина, 20 лет в числу американских художников Дальнего Востока. Выставка будет открыта до 1 апреля.

1 марта в клубе писателей ФОСП им. М. Горького состоялся производственный вечер, посвященный разбору произведений Л. СЕЙФУЛИНА «МАЛЕНЬКИЕ», А. ЧАПЫГИНА «ЕКАТЕРИНА», Г. НИКОФОРОВА «ЧИСТЕНЬКИЙ ВЕТЕР», И. ЭРЕНБУРГА «ЛОШАДИНЫЕ СИЛЫ».

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ

НА ЖУРНАЛ ПО ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБЖЕРНЕМО ПОЛИТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО ПОЛЕЗНЫЙ ЖУРНАЛ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

12 №№ в год

На 12 мес.—9 р. 50 к., 6 мес.—4 р. 90 к., 3 мес.—2 р. 40 к.

Контрольные БРАКА

Около и по поводу ПУТИНЫ

Поэтому Н. Чижевский отправился на путину МИДИ (колхоз Ленинградских рыбопромышленников), а редакция «Новых рубежей» получила рекомендации, обратиться в колхозы для посылки в Ново-Белый свой район. Всюду поэтому приехали писатели.

«Прежде всего, — требует вас писать, — Ленсовет и сектор «Правда в литературе». — Необходимо сообщить, что сейчас мы не нуждаемся в отдельных выступлениях на того почетных людей. Не хотелось бы этому писать, но, к сожалению, чаще приходится о сейчас».

Так, например, вопрос теперь, — пишет Ленсовет. — стоит сейчас в ГИХЛ новый сборник молодых авторов. Сейчас новый сборник молодых авторов. Сейчас новый сборник молодых авторов. Сейчас новый сборник молодых авторов.

Итак, Ленсовет в результате сообщения и ознакомления получил ответ. Ленсовет не является ... Он не является ... Ленсовет ... Ленсовет ... Ленсовет